

Глобализация и суверенитет

Л. Е. Гринин

В настоящей статье дан анализ процессов трансформации национального суверенитета, происходящих в результате глобализации, без учета влияния на указанные процессы современного глобального финансово-экономического кризиса. Современный кризис также показывает, что от силы государства, способностей его руководства теперь во многом зависит судьба национальных экономик. Поэтому вполне вероятно, что самое ближайшее будущее может показать нам определенный «ренессанс» роли государства и его активности на мировой сцене. Тем не менее такой возврат к возрастанию роли государства уже не может идти на прежних началах. О том, каким образом кризис влияет на текущие и может повлиять на будущие политические процессы, см. в статье Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева «Ждут ли мир глобальные перемены?» в настоящей Хрестоматии¹.

Вводные замечания

В современную эпоху происходят определенные сдвиги в модификации релевантных законов макроэволюции, связанные с усилением аспектов сознательных изменений (инноваций) в общественной практике субъектов исторического процесса и некоторым сокращением (а иногда и изменением) сферы действия ненаправленного естественного социального отбора. В то же время следует отметить, что общественное развитие и полный контроль над изменениями несовместимы практически по определению. Поэтому, до какой бы степени люди ни научились управлять развитием, сфера непредвиденного, сфера следствий второго, третьего и последующих порядков, вызванных стохастическими, неподготовленными, неожиданными, слабо прогнозируемыми и т. п. действиями субъектов разного рода, столкновениями воли и интересов, будет оставаться высокой.

Все более усложняющиеся, буквально в геометрической прогрессии, прямые и обратные, положительные и отрицательные, центробежные и центростремительные, а также многие иные связи между процессами, явлениями, событиями, субъектами разного уровня делают невозможным полный контроль над событиями и процессами. Степень контроля может повышаться, но сфера неконтролируемого и непрогнозируемого всегда остается значительной. При этом она может уменьшаться в рамках одного уровня макроэволюции и одновременно возрастать в рамках другого уровня. Так, если в отношении некоторых ближне- и среднесрочных процессов в рамках национальных организмов можно с большой долей условности говорить о достаточно существенной степени их контролируемости и прогнозируемости, то утверждать, что субъекты социальной макроэволюции научились в сколько-нибудь достаточной степени управлять процессами, хоть как-то выходящими за рамки национальных организмов, невозможно (и даже внутри последних очень часто фактические результаты оказываются противоположными намерениям субъектов). Вот почему столь важен и интересен аспект современности, связанный с тем, что область суверенных интере-

---

¹ См. также: Гринин 2009; 2011б; 2011в; 2012; Гринин, Коротаев 2012; Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2011.

сов и возможностей политических субъектов международного права существенно трансформируется, в то время как надежных инструментов регулирования их деятельности и согласования их интересов на международной арене все еще не создано.

Проблемы глобализации как процесса, который начался уже много тысячелетий назад (по сути, вся макроэволюция Мир-Системы и есть процесс глобализации²), а сегодня вступил в новую фазу, стремительно меняющую экономический и политический ландшафт мира, сложны и многообразны. Мы не ставим своей целью рассмотреть все ее аспекты (частично это сделано в некоторых наших работах [Гринин 2003; 2004; 2005а; 2005б; 2006г; 2006д; 2007а; 2007г; 2008б; 2008г; Grinin 2007; Гринин, Коротаев 2009]). В данной статье мы остановимся только на некоторых составляющих глобализационного процесса, развитие которых, как мы предполагаем, повлияет в дальнейшем на процессы трансформации всей социальной жизни; их изучение также важно для нашего понимания происходящей в настоящее время модификации законов развития Мир-Системы и социальной макроэволюции в целом.

Это, конечно, далеко не все, а только отдельные, но в некоторых смыслах ключевые проблемы глобализации. Главным образом речь идет о двух взаимосвязанных аспектах: 1) как развитие производства и информационных технологий влияет на процессы региональной и мировой интеграции в современном мире; 2) в каком соотношении находятся между собой суверенитет государств и национальный сепаратизм, с одной стороны, и глобализация – с другой. Даже относительно первого аспекта наблюдается определенное недопонимание глубинных процессов, которые мы рассмотрим далее. Но еще более недооценены некоторые моменты второго аспекта, хотя, по нашему мнению, процессы изменения суверенитета в современную эпоху являются одними из самых значимых. Но если такие процессы (конечно, с большими флуктуациями) будут усиливаться, то это должно существенно повлиять на все сферы жизни, включая изменение идеологии и общественной психологии. К сожалению, данное обстоятельство пока еще недооценивается едва ли не большинством аналитиков. Именно поэтому основное внимание в статье будет посвящено этим недостаточно выявленным моментам трансформации суверенитета в контексте все более углубляющихся глобализационных процессов.

В конце XX и начале XXI в. в политической науке, особенно в связи с обсуждением проблем глобализации и нового мирового порядка, также стала подниматься тема изменения, «размывания», «исчезновения» и т. п. национального суверенитета (см., например: Giddens 1990; Walker, Mendlovitz 1990а; Barkin, Cronin 1994; Farer 1996; Gelber 1997; Held *et al.* 1999; Gilpin 2001; Gans 2001; Courchene, Savoie 2003а; 2003б; Held, McGrew 2003б; Weiss 2003; Tekin 2005; Хелд и др. 2004; Ильин 1993б; Ильин, Иноземцев 2001; Цымбурский 1993 и др.; Кустарев 2004; Мнацаканян 2004)³. Однако, по нашему мнению, анализ изменения суверенных прерогатив государств выглядит в большинстве этих работ несколько однобоко – прежде всего как анализ процесса объективного изменения этих полномочий под влиянием развития экономико-технологических и идеологических факторов (здесь речь может идти, например, о появлении новых движений, идеологий, взглядов). Однако в реальности этот процесс является не просто существенно более сложным, но и существенно более диалектичным, причем различные очень важные составляющие этого процесса в той или иной степени недооцениваются.

Мы бы хотели показать, что глобализация в целом способствует изменению и сокращению номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно

² См.: Гринин 2011а.

³ Содержательный обзор таких работ до 2001 г. можно найти в следующей публикации: ICISS 2001.

уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение. Разумеется, можно говорить еще о целом ряде важных направлений, тенденций и процессов, которые составляют многообразную, сложную и во многом противоречивую динамику мировых политических процессов, в результате чего, в частности, происходит не только ограничение суверенитета, но в чем-то и заметное его укрепление (см., например: Weiss 2003; Courchene, Savoie 2003a: 8–9; анализ различных взглядов на эти проблемы см.: Thomson 1995; Held, McGrew 2003a; 2003b). Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Но естественно, что здесь невозможно дать полную картину всех релевантных процессов, поэтому наша главная задача – исследовать тенденцию к изменению и сокращению суверенных прерогатив, особенно в связи с добровольными действиями их обладателей.

Но предварительно стоит подчеркнуть, что процессы трансформации суверенитета, естественно, имеют очень большие отличия в разных регионах и государствах, что связано с уровнем экономического, этнического и культурного развития тех или иных ареалов и стран, с размерами последних⁴, их геополитической ролью (стратегией), изменением значения тех или иных политических сил внутри разных стран и многими другими обстоятельствами. Поэтому направления и причины трансформации суверенитета (равно как и баланс плюсов и минусов этого процесса) различны в центре и периферии Мир-Системы, в развитых и развивающихся странах, в западных и незападных, в зрелых и молодых государствах; в исламских и конфуцианских странах, Северной и Тропической Африке, Латинской Америке и других регионах. Соответственно и путь к новому состоянию суверенности в новом глобализующемся мире у каждой цивилизации, региона, даже страны, нации может быть особый. Тут, пожалуй, будет уместна аналогия с процессами модернизации, о которых вполне можно говорить как об универсальных, хотя путь в эпоху модерна у разных государств был разным. (К слову сказать, этот процесс у многих стран еще не завершился, что, несомненно, скажется и на особенностях процесса изменения их суверенных прав.) К этим аспектам мы еще вернемся и попытаемся кратко показать различные модели изменения модуса суверенности. Но важно подчеркнуть, что в том или ином виде тенденция к сокращению суверенитета имеется в самых разных странах. Эту тенденцию в обобщенном виде мы и проследим далее.

Суверенитет в политической науке обычно определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности в рамках определенной территории, то есть его верховенстве во внутренней политике, а также в виде его независимости во внешней политике (см., например: Джери Д., Джери Дж. 1999: 311; Аверьянов 1993: 367; Held 2003: 162–163; см. также: Hinsley 1989: 25–26). Это понятие стало широко распространенным в XIX в. Однако еще в начале Нового времени оно получает достаточно четкое толкование в трудах Макиавелли, Бодена, Гоббса и других (см., например: Held 2003: 162–163; Hinsley 1989; Shinoda 2000; Ильин 1993a; 1993b; 2001; Кузьмин 2006; Пастухова 2007).

В системе международных отношений, получившей название Вестфальской, так как она возникла после 30-летней войны и Вестфальского мира 1648 г. (см., например:

⁴ А с точки зрения размеров современных государств выясняется очень любопытная картина. К концу XX в. в десяти самых населенных государствах проживало около 60 % всего населения мира, но при этом 87 стран имели население менее 5 млн чел. (среди них 58 стран – менее 2,5 млн, а в числе последних 35 – менее 0,5 млн). Удивительно, но среднее число жителей одного государства в 1997 г. было меньше, чем в 1946 г. (данные взяты из: Кувалдин, Рябов 2000: 37–38). Все это не может не влиять на характер суверенитета и модели его трансформации.

Gross 1948), принципы суверенности государств постепенно получили всеевропейское, а затем всемирное признание (см. об этих принципах: Held *et al.* 1999: 37–38; Хелд и др. 2004; см. также: Поршнева 1957). Но важно заметить, что эта «нормативная траектория» международного права была полностью описана лишь к концу XVIII – началу XIX в. (Там же: 37), что было особенно связано с событиями Великой французской революции, но также с наполеоновскими войнами и новым порядком, установившимся после Венского конгресса 1815 г. (см. об этом, например: Shinoda 2000; Gelber 1997: 4; Barkin, Cronin 1994: 115). Ныне в Уставе ООН и в некоторых других международных соглашениях имеются положения о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение, что наряду с повышением степени внешней безопасности большинства стран, по нашему мнению, существенно способствовало упрочению идеи национального суверенитета в международных отношениях во второй половине XX в. Правда, как мы увидим далее, тенденция на признание суверенных прав сочеталась с тенденцией на их добровольное сокращение самими же суверенами.

Необходимо отметить, что понятие суверенитета является весьма сложным и неоднозначным (см., например: Maritain 1950; Stankiewicz 1969: 291; Barkin, Cronin 1994; Krasner 2001: 134)⁵, а его содержание постоянно менялось и продолжает меняться в связи с изменениями международных отношений, характеристик самих государств и даже изменениями в определении понятия государства (см., например: Barkin, Cronin 1994; Kratochwil 1986; Mitchell 1991; см. также: Гринин 2006б; 2006в; 2007б; Grinin, Korotayev 2006; об истоках европейского государственного суверенитета см.: Mesquita 2000; см. также: Ruggie 1993). Это содержание также менялось в зависимости от того, кто выступал высшим сувереном: феодальный монарх, имеющий право дарить или расчленять государства и/или их области (например, при разделе наследства), просвещенный абсолютный монарх, который уже выступал от имени нации, или сама нация (см., например: Ян 1996). Кроме того, абсолютный в теории суверенитет как государств, так и наций всегда сильно, а то и фатально ограничивался разными факторами (и некоторые аналитики отмечали это обстоятельство еще задолго до того, как началось исследование процессов глобализации [см., например: Garner 1925; Shinoda 2000]).

Словом, понятие суверенитета не является однозначным и потому требует значительного уточнения. Так, например, Э. Гидденс различает государства-нации и нации-государства как соответственно типологически более ранние и более поздние (Giddens 1985; 1990; 1991; Giddens, Pierson 1998; см. также: Barkin, Cronin 1994). Понятие суверенитета вызывает большие споры также в связи с разными подходами к классификации самих государств, обладающих суверенитетом. И это особенно важно в отношении стран, которые в той или иной мере не сформировали государственность, не имеют необходимой степени экономической или идеологической независимости, этнической крепости и т. д. Неудивительно, что существует целый ряд теорий, в которых различается «качество» суверенитета разных по уровню и степени самостоятельности стран, например так называемых квазигосударств (Jackson 1990), слабых (*fragile states*) (Hagesteijn 2008), «дефектных», «неполных» государств и т. д. Не говоря уже о различиях в культурном и экономическом развитии, исследователи обращают внимание на то, что большинство ныне существующих стран (а в Тропической Африке – абсолютное большинство) имеют очень короткую – в пределах всего нескольких десятилетий – историю своей национальной независимости и соответствен-

⁵ В частности, суверенитет можно рассматривать в разных аспектах (в том числе как негативный и позитивный [см.: Jackson 1990]) и версиях (см., например: Ильин 1993б). Из новейших изданий, посвященных проблемам суверенитета, необходимо отметить коллективную монографию *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* (Ильин, Кудряшова 2008).

но суверенности. А установление прочной государственности, как известно, требует столетий, традиций и менталитета государственности.

В политической науке все сильнее осознается, что необходимы переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» в связи с возникновением мирового политического сообщества, уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии, а также принимая во внимание действия различных иных субъектов: ТНК, многочисленных негосударственных организаций, многонациональных структур, мероприятий и встреч; это также требуется ввиду развития различных глобальных идеологий, например глобального гражданского общества (см., например: Аверьянов 1993: 368; Уткин 2000: 41–42; Лунеев 2005: 114–115; Vincent 1986; Walker, Mendlovitz 1990b; Camilleri 1990; Barkin, Cronin 1994; Thomson 1995; Daniels, Alarie 2003; Johnson, Mayrand 2003; Keane 2003; Laxer, Halperin 2003; Tekin 2005). Можно согласиться с выводом Г. Гелбера: последние десятилетия XX в. показали, что национальное государство уже не справляется с нарастающей сложностью проблем, имеющих глобальный характер (Gelber 1997: 12). Особенно много работ по переосмыслению различных аспектов концепции суверенитета появилось в 90-е гг. XX в. в связи с событиями, связанными с прямым вмешательством и военной интервенцией (в том числе и санкционированной ООН) в отношении отдельных стран, таких как Ирак, Сомали, Гаити, Босния и др. (см., например: Mayall 1991; Roberts 1991: 519–520; Helman, Ratner 1992–1993; Rosas 1994; Tesón 1996; Acevedo, Grossman 1996; Diamond 1996; Regan 1996)⁶.

Глобализация, экономика и мировая политика

Глобализация – это результат очень сложного сплава политических, социальных, экономических, цивилизационных и многих других процессов, характерных для современного мира (анализ разных аспектов или «измерений» [*dimensions*] глобализации, см., например, в монографии Э. Гидденса [Giddens 1990]). Но среди этих многочисленных факторов стоит особо выделить огромные изменения в современных производительных силах, информационных технологиях, мировой торговле и экономической специализации (Медведев 2004: 3; Гринин 1999a; 2005a; 2007a). Характерно, что многие исследователи в первую очередь указывают на экономический характер глобализации (см., например: Зуев, Мясникова 2004: 54; Каплински 2003: 4; см. также: Анилионис, Зотова 2005). Но необходимо иметь в виду важную и принципиальную идею, которая уже высказывалась нами (Гринин 1999a; 2005a; 2007a): признать, что экономические и технические изменения – это мотор глобализации, значит признать, что процесс глобализации не может быть остановлен или повернут вспять никем, поскольку сегодня развитие новых технологий невозможно ни остановить, ни даже искусственно затормозить сколько-нибудь значимым образом⁷.

⁶ Естественно, причины военной и иной интервенции в другие страны и ее законность всегда были заметной темой исследований (см., например: Eley 1972; Vincent 1974; Tillema, van Wingen 1982; MacFarlane 1983–1984). Однако в 90-е гг. прошлого века число таких работ резко возросло. Сказанное подтверждается, например, тем, что в указанной выше аннотированной библиографии (ICISS 2001) тема суверенитета объединена с темой прямого вмешательства (невмешательства) во внутренние дела суверенных стран; причем последней посвящено более половины из примерно 160 названий работ, представленных в этой библиографии; и при этом абсолютное большинство работ относится к 90-м гг. XX в.

⁷ Чтобы контролировать процесс глобализации – подобные призывы, а также сетования на ее хаотический и несправедливый характер весьма заметны, особенно перед кризисом (см., например: Бязрова 2004; Мартин, Шуман 2001; Стиглиц 2003; Каллиникос 2005; Хомский 2002; Лю 2005; см. также: Динелло 2003; Галкин 2005), – нужно в первую очередь контролировать направления и темпы экономического и технического развития, что на сегодня выглядит утопией. Однако определенные барьеры на пути этого прогресса

Технология и торговля опутывают мир новыми сетевыми связями и делают национальные границы прозрачными (см.: Strange 2003; Held 2003; Habermas 2003; Daniels, Alarie 2003; Russel 1997; Бек 2001; Кастеллс 1999; 2002; см. также: Гринин 1999a; 2005a; 2007a). Вместе с другими факторами это резко усложняет внешние по отношению к обществу условия (Иванов 2000: 14; см. также: Kratochwil 1986; Hansen, Park 1995). А в результате глобализация сильно уменьшает и изменяет объем национального суверенитета и подрывает положение государства как главного субъекта международных отношений. Таким образом, изменения в производительных силах так или иначе ведут к изменению всех остальных областей жизни, включая и политическую сферу (см.: Гринин 1999a; 1999б).

Отсюда следует важный вывод, на который мы уже указывали в других работах (Гринин 2005a; 2007a): если неизбежным итогом глобализации является сокращение суверенитета, то вместе с этим также неизбежно назревают колоссальные перемены в моделях поведения как государств, корпораций и групп, так и масс обычных людей. И если о судьбах государства (умирает оно или укрепляется?) споры нередки (см., например: Thomson 1995; Gilpin 2001; Held, McGrew 2003a: 121–125; Tekin 2005), то данное следствие обсуждается реже⁸.

Глобализация, с легкой руки американских политологов, еще совсем недавно предстала в некоторых работах как процесс навязывания воли США остальному миру, как процесс установления нового мирового порядка, выгодного США (см., например: Бажанов 2004; Бжезинский 1999; Медведев 2004: 3; Столярова 2002: 72; Терентьев 2004; Collins 2002: 118). Действительно, влияние США было абсолютно очевидным и очень реальным⁹. Но и до кризиса было крайне сомнительно, что в мире должен установиться *Rex Americana* (см., например: Тодд 2004), как искренне надеялись многие в США¹⁰. Было гораздо более вероятно, что в достаточно скором будущем расстановка сил в мире должна измениться (см., в частности, наш анализ: Гринин, Коротаев 2009: 494–495). Теперь же все более ясно, что пик могущества США прошел и их влияние будет постепенно ослабе-

---

в виде различных регламентаций и квот в дальнейшем, возможно, и появятся, как мы показываем это в другой нашей работе (см. подробнее: Гринин 2005a).

⁸ Отметим, что некоторые из этих сценариев достаточно прямолинейны и являются упрощенной экстраполяцией прошлых процессов. По нашему мнению, в будущих процессах, скорее всего, обнаружится много такого, что просто невозможно предугадать с позиции сегодняшнего опыта. С другой стороны, некоторые аналогии все же возможны. Например, в какой-то мере уместна аналогия с возникновением централизованных государств в Средние века и Новое время. А эти процессы обычно шли очень тяжело и в то же время существенно по-разному в разных регионах и в различные периоды. Разумеется, интеграция в региональном и тем более в мировом масштабе не аналогична процессу возникновения империй, однако, по-видимому, принуждения и насилия, ломки стереотипов, а также болезненного унижения национальной гордости будет предостаточно (см. подробнее: Гринин 1999a; 2005a; 2007a). Говоря о будущих тенденциях, мы должны заметить, что, на наш взгляд, несколько сомнительно звучат предположения о тенденции к формированию «нового органа всемирно-политической власти» (см., например: Неклесса 2002). Собственно идеи мирового правительства возникли очень давно и имели популярность после Второй мировой войны, но они по-прежнему остаются нереалистичными (анализ этой проблемы см. в следующих работах: Bull 2003: 579–580; Бек 2001; Салмин 1993). Также сомнительно звучат утверждения, что «объективно и неизбежно Европейский союз должен трансформироваться в централизованное образование типа Соединенных Штатов Европы» (Лукьянов 2005).

⁹ В том числе и в культурном плане. Можно согласиться, что в настоящее время «самыми главными “глобализаторами” являются американцы» (Бергер 2004: 9). По крайней мере, так было совсем недавно, а во многом остается таковым и сегодня.

¹⁰ Чувствуя это, даже З. Бжезинский выражал сомнения в результативности политики США и призывал несколько переосмыслить или, точнее, переформулировать внешнеполитические цели и идеологию Америки, считая, что «она должна определять свою безопасность в таких категориях, которые отвечали бы интересам других» (Бжезинский 2005: 284).

вать (см. подробнее об этом в статье Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева «Ждут ли мир глобальные перемены?» в настоящей Хрестоматии).

Однако наличие каких-то тенденций не означает, что будущее уже предначертано (см., например: Панарин 2000: 328; Цирель 2007). Напротив, направление, формы и результаты процессов будут постоянно зависеть от меняющегося баланса сил в мире, от стратегии, которую выберут те или иные страны и объединения, от различных геополитических факторов и комбинаций. По нашему мнению, это означает, что те, кто стремится играть более важную роль в интегрирующемся и меняющемся мире, должны прогнозировать и предугадывать тенденции, используя их в собственных целях (об имеющихся возможностях для малых стран см., например: Nagis 2003: 65). Несомненно, и Россия сможет сыграть важную роль в новом мировом порядке, если правильно выберет геополитическую стратегию и направление своего собственного развития. Для этого надо найти собственное место в глобальных процессах, не теряя своих особенностей, в частности используя общие культурно-языковые традиции на просторах СНГ, а также естественные геополитические и ресурсные преимущества России (что, к слову сказать, в последние годы уже стало заметно проявляться в экономической стратегии России).

Но что такое, в конце концов, глобализация? Общепринятого ее определения нет и, вероятно, в ближайшее время оно не появится, поскольку в это понятие разными исследователями вкладывается самое разное значение; к тому же, согласно В. Л. Иноземцеву (см. в этом томе), едва ли не большинство исследователей вообще не дают этому процессу определения, полагая, что оно вполне понятно и без дефиниции. Без всякой претензии на то, что предлагаемое нами определение является единственным возможным, мы бы определили глобализацию следующим образом. **Глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. В результате этого процесса происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов.**

Иными словами, возникает своеобразная система, при которой проблемы отдельных стран, наций, регионов и иных субъектов (корпораций, различных объединений, глобальных медиахолдингов и т. п.) соединяются в единый клубок. Отдельные локальные явления и конфликты задевают множество стран. В то же время решения в наиболее значимых центрах мира отражаются на судьбах всех. В целом «процессы глобализации в самом широком смысле характеризуются резким усилением и усложнением взаимных связей в основных областях экономической, политической и общественной жизни, приобретающих планетарные масштабы» (Иванов 2004: 19). Поэтому, несомненно, правильно и правомерно рассматривать глобализацию как историческую трансформацию, резко меняющую привычную расстановку сил и приоритетов (см., в частности: Бек 2007)¹¹. Глобализация – исключительно разноплановый процесс. Практически все области жизни испытывают на себе эти воздействия (см., например: Гидденс 2004)¹². Многие как позитивные, так и негативные явления также приобретают глобальный характер, например борьба за охрану окружающей среды, само движение антиглобализма (см., например: Левин 2003), терроризм и преступность (см., например: Мирский 2004б: 80; Лунеев 2005: 114–115),

¹¹ Правда, У. Бек утверждает, что игравшее до настоящего времени ведущую роль во взгляде на мир различие между национальным и интернациональным теперь растворяется в пока еще очень нечетко очерченном силовом пространстве всемирной внутренней политики (Бек 2007: 9). Однако, на наш взгляд, до «всемирной внутренней политики» еще очень далеко. Скорее на смену национальной политике идет национальная (в виде различных союзов), но она в значительной мере оппозиционна всемирной.

¹² Даже в таких, казалось бы, строго национальных организациях, как парламенты, наблюдаются определенные процессы с глобализационной составляющей. В результате, например, одних лишь международных парламентских организаций насчитывается несколько десятков (см., например: Саидов 2004).

наркомафия и т. п. В этом плане интересной представляется и идея глобализации ислама (Мирский 2004а: 35; см. также: Schaebler, Stenberg 2004) и других религий (см. также статьи Айзенштадта и Робертсона в настоящем томе).

Любой прогресс практически всегда сопровождается определенными изменениями, которые в чем-то ухудшают ситуацию по сравнению с тем, что было раньше (то есть прогрессивные/арогенные сдвиги обычно сочетаются с «антипрогрессивными», регрессивными/дегенерационными и нейтральными/идиоадаптационными [подробнее см.: Коротаев 1991; 1992; 1999; 2003а; Гринин 1997: 68–69; 2006д: 92–94; 2007б]). На наш взгляд, и сокращение объема суверенных прерогатив ведет одновременно к позитивным, негативным и нейтральным последствиям. Так, бóльшая, чем раньше, открытость границ не только обеспечивает рост торговли, но и способствует распространению терроризма и облегчает наркотрафик. При этом баланс плюсов и минусов выглядит по-разному для разных стран, регионов, территорий и даже для разных слоев общества. Отсюда такое неоднозначное восприятие глобализации. Недаром ее критики указывают (правда, сегодня реже, чем вчера) на неравномерность в получении выгод от нее и на увеличивающийся разрыв в уровне жизни разных стран (см., например: Капра 2004: 171)¹³. Важно также отметить, что, создавая контуры нового порядка, глобализация одновременно ломает старый порядок, работающий в рамках государственных систем, причем скорость слома старых отношений часто сильно опережает темпы развития новых отношений. «Новый мировой беспорядок», прозванный глобализацией, имеет, однако, один подлинно революционный эффект: *обесценение порядка как такового*, – считает, например, З. Бауман (2002: 44). В частности, в ряде стран это очень наглядно проявляется в сломе традиционной идеологии, основанной на сакрализации родины и нации, и соответственно ослаблении таких прежде высоко ценимых качеств, как патриотизм, за счет роста альтернативных национальным предпочтений и идентификаций. Но взамен глобализация, по-видимому, пока не создала никакой оформленной и способной увлечь массы идеологии.

В других работах мы уже обосновывали тот факт, что перед современными техническими и экономическими силами национальные границы стали гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом, а также проанализировали его причины (подробнее см.: Гринин 1999а; 2006а: 158–159). Этому способствуют многие факторы, в частности мощное развитие торговли, транспорта, стремительный рост роли международного капитала, ТНК и т. п. (см.: Strange 2003; Held 2003; Habermas 2003; Кастеллс 1999; 2002; Мовсесян, Огневцев 1999). Стоит иметь в виду также, что «в глобализирующемся мире взаимодействуют не только государства, но все больше территории и регионы» (Гребенщиков 2004: 89). Нами также было отмечено, что наиболее быстро растущие области производства как раз по природе своей наднациональны. В качестве примеров стоит упомянуть космические технологии или Интернет, который все более активно используется в коммерческих целях (см., например: Филиппова 2000; Болескина 2000; Жарова 2004). Образно говоря, современный человек приобретает функции мини-станции, принимающей и передающей разнообразную информацию, часто при этом минуя национальные границы (подробнее см.: Гринин 1999а; 2004).

¹³ Это весьма неоднозначный вывод. Действительно, в некоторых случаях разрыв может увеличиваться (см.: Leftwich 2005: 153; это верно, например, в отношении многих африканских стран, хотя и растет число быстро развивающихся африканских государств), однако на такие страны в настоящее время приходится лишь менее четверти всего населения третьего мира (Жуков, Эльянов 2007: 116); в то же время у других стран третьего мира (в которых при этом обитает абсолютное большинство, более чем две трети населения развивающихся стран [Там же]) наблюдаются темпы экономического роста значительно более высокие, чем в экономически развитых странах (см., например: Maddison 2001; World Bank 2010; Шишков 2004: 18; Жуков, Эльянов 2007; Дынкин 2007: 61–88; Коротаев, Халтурина 2008).

Тесная связь национальных экономик между собой ведет к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это вновь подтвердили финансовые кризисы недавнего времени в разных странах (включая и кризисные явления на американском, европейском и других финансовых рынках в 2007, 2008 и последующих годах). При этом «горячий» международный капитал порой может вызывать такие кризисы в считанные часы (Волконский 1998: 217). Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе – таков вывод Дж. Сороса (2001: 25, 27). Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики (особенно ее финансовой сферы), которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования (Ван дер Вее 1994: 374), каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. Как резюмирует Р. Катгнер, редактор журнала *Америкэн проспект*, «ставки просто-напросто чересчур высоки, чтобы позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики» (цит. по: Капра 2004: 167). Таким образом, мы полагаем (вместе с рядом исследователей), что столь быстрое развитие международной торговли и кредита, новых информационных, коммуникационных и финансовых технологий, экономическая интеграция и глобализация и ряд других взаимосвязанных процессов все более властно требуют новых совместных международных решений, договоренностей и институтов, которые бы сделали это развитие более упорядоченным и менее подверженным кризисным колебаниям (см. подробнее в статье Л. Е. Гринина и А. В. Коротгаева «Ждут ли мир глобальные перемены?» в этом томе). Но изменения в данном направлении неизбежно связаны с трансформацией суверенных прав государств, причем оптимальная глубина этой трансформации пока неясна.

Глобализация, сокращение суверенитета и национализм

Как уже было сказано выше, на практике суверенные права и полномочия как государств, так и наций всегда сильно ограничивались разными факторами (см., например: Krasner 1995–1996). Тем не менее хотя бы в головах теоретиков «Вестфальский суверенитет» (то есть неограниченные суверенные права) все же существовал. В современную эпоху становится все яснее, что Вестфальская система с ее принципами международных отношений существенно изменилась¹⁴. Также важно указать, что сегодня представление о полной свободе действий государств даже чисто теоретически выглядит неверным. Дело в том, что объем внутреннего суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, в том числе в вопросах прав человека (см.: Аверьянов 1993: 368; Vincent 1986; Chopra, Weiss 1992; Shinoda 2000) и еще больше – фактически в связи с уже сложившимися моделями, стратегиями и традициями поведения государств и их союзов.

В работах, посвященных трансформации положения и роли государства в современном мире, часто, как верно замечает М. Манн, идет однобокий спор на тему, усиливается ли государственная система или ослабевает, между тем как процесс представляется весьма сложным и неоднозначным, в чем-то эти позиции ослабляются, но в чем-то усиливаются (Mann 1997; см. также: Ян 1996: 49). Так, С. Стрэнг, настаивающая на том, что под влиянием мощных экономических процессов власть государства ослабевает, в то же время с удивлением отмечает, что государство стало регули-

¹⁴ См., например, специальный выпуск журнала *International Studies Review* 2000, Vol. 2, No 2 на тему: «Преемственность и изменение Вестфальского международного порядка» (*Continuity and Change in the Westphalian Order*), где дискутировалась как раз эта проблема (и особенно следующие статьи: Burch 2000; Blaney, Inayatullah 2000; Caporaso 2000; Litfin 2000; Mattli 2000).

ровать проблемы, которые раньше решали сами люди безо всякого участия государства – в частности, как строить собственный дом, как устраивать семейные отношения, так что, по ее словам, почти нет сферы, в которую бы не вмешивалась государственная бюрократия (Strange 2003: 128). Она называет это парадоксом, хотя это вполне естественное сочетание разных процессов, поскольку такие процессы никогда не идут однолинейно и только в одном направлении. Общее направление – это всегда сложная результирующая разнонаправленных составляющих, причем ослабление системы по определенным показателям нередко сочетается с некоторым усилением системы по другим показателям и/или с усилением некоторых ее subsystem (например, за счет переструктуризации системных компонентов и изменения соотношения уровней иерархии; см., например: Коротаев 1991; 1992; 1999; 2003б; Гринин 2003; 2005а; 2007а).

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание на определенную ограниченность подходов в исследованиях суверенитета, поскольку многие авторы рассматривают вопрос в той только плоскости, что мощные мировые экономические наднациональные и во многом анонимные силы влияют на трансформацию национального суверенитета, в целом меняя его помимо и как бы вопреки воле самих государств (см., например: Keohane 1995; Held 2003; Clark 1999; Slaughter 2000; Strange 2003). Список угроз государственной суверенности часто включает в себя глобальные финансовые потоки, многонациональные корпорации, глобальные медиаимперии, Интернет и т. п. Глобалисты утверждают, что государственная власть сильно ослабляется этими процессами, которые ведут к проницаемости границ, – суммируют такие взгляды Д. Хелд и Э. Макгру (Held, McGrew 2003а: 124).

В то же время почти не замечается иной аспект этих процессов (либо ему не придается должного значения), тогда как нам он представляется как раз исключительно важным: суверенитет в большой (возможно, преобладающей) степени сокращается *добровольно самими национальными государствами*. Эти аспекты процесса глобализации указывались и исследовались нами в ряде работ (Гринин 1999а; 2004; 2005а; 2006з; 2007а; 2008б; 2008в).

По нашему мнению, имеется целый ряд факторов, которые влияют на процесс изменения национального суверенитета. В их числе находятся, конечно, технологические и экономические изменения (см. подробнее: Гринин 1999а; 1999б, 2007а), стремление избежать войн, наличие глобальных проблем, объединяющих страны, процессы регионального сближения, стремительное увеличение объема многообразных контактов между жителями разных стран; необходимость совместно решать множество вопросов и урегулировать споры; рост числа демократических режимов в мире и т. д. Но фактор добровольности в сокращении объема полномочий ради приобретения дополнительных престижа и выгод среди них является одним из самых важных, мало того, именно он определяет, по нашему мнению, фактическую необратимость этого движения¹⁵. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на идущий

¹⁵ Разумеется, это сочетается с воздействием, иногда довольно жестким, на страны – нарушители международных правил и договоренностей, такие как, например, Ливия, а также попытками прямого вмешательства в дела тех стран, которые оказывались не в состоянии решить внутренние конфликты или обуздать вышедшие из-под контроля политические силы (как это наблюдалось, например, в отношении стран, ранее входивших в состав Югославии, Израиля и Палестины, ряда стран Африки и Латинской Америки [см., например: MacFarlane 1983–1984; Mayall 1991; Roberts 1991: 519–520; Helman, Ratner 1992–1993; Rosas 1994; Tesón 1996; Acevedo, Grossman 1996; Diamond 1996; Regan 1996]). Естественно, такие действия международного сообщества или отдельных стран и блоков (США, НАТО) также сильно влияют на изменение суверенитета и создают прецеденты на будущее. Но все же можно утверждать, что именно преобладающая добровольность в сокращении суверенитета существенно способствует формированию терпимого или даже одобрительного отношения к такому вмешательству всего или большей части мирового общественного мнения, без которого в современном мире никакое вмешательство не может быть

с послевоенного времени важнейший процесс, в результате которого многие страны начинают добровольно ограничивать себя в, казалось бы, наиболее суверенных вещах (подробнее см.: Гринин 1999а; 2004; 2005а; 2006г; 2007а).

Достаточно бросить даже беглый взгляд на те области, в которых сократился суверенитет, чтобы согласиться со сказанным. Право устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры; запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров (капиталов) и те или иные виды деятельности; печатать деньги; брать займы; устанавливать правила содержания заключенных и применение их труда; использовать смертную казнь; провозглашать те или иные политические свободы или ограничивать их; устанавливать фундаментальные правила выборов (и само их проведение) и избирательных цензов, а также еще масса других важных явлений перестали определяться только желаниями самого государства. Не так давно многие европейцы отказались от святая святых – собственных, многими веками выстраданных национальных валют ради одной общей (евро)¹⁶. В конце концов, то, что всегда признавалось главным в суверенитете – право войны и мира, – под международным контролем. А ведь еще 50 лет назад в своем знаменитом *Манифесте* Б. Рассел и А. Эйнштейн писали: «Искоренение войн потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ущемлять чувство национальной гордости» (см.: Адамович, Шахназаров 1988: 185). Сегодня такой контроль уже не ущемляет национальную гордость. Мировые войны и тоталитаризм показали, что абсолютный суверенитет, включающий в себя в том числе право на развязывание войн и репрессий, опасен. Отсюда мы сделали важный, хотя в целом и очевидный, вывод: **внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальным правом и обычаями, сужаются, а международное право (или право определенного сообщества/коллективного участия) расширяется** (Гринин 1999а; 2004; 2005а)¹⁷.

Без сомнения, в истории можно найти много случаев добровольных обязательств и договоров, которые значительно ограничивали суверенитет государей и стран. Взять хотя бы Священный союз и его интервенции в революционные страны в первой половине XIX в. (Мале 1938) или Таможенный союз германских государств первой половины XIX в. (Дени, Сайо 1938: 78–80; Травин, Маргания 2004). Процессы интернационализации начались не сегодня, а идут уже века, все нарастая. Но, как нами уже отмечалось (Гринин 1999а; 2005а: 16–17), распространенность и мощность этих процессов вчера и сегодня несопоставимы, другими словами, в настоящее время по сравнению с прошлыми эпохами они приобрели качественно иной уровень.

успешным, а часто даже и реальным. Правда, последние события в Ливии в 2011 году, а также угрозы Сирии и Ирану продемонстрировали, что западные страны продолжают злоупотреблять военным вмешательством в собственных геополитических интересах.

¹⁶ Хотя сегодня ощущается определенная ностальгия по национальным валютам.

¹⁷ При этом важно отметить, что параллельно нарастающему сокращению суверенитета в течение первых послевоенных десятилетий шли противоположные процессы, в результате которых современное зрелое национальное государство стало ведущим типом политических систем на всей планете (см., например: Held *et al.* 1999: 46), а число национальных государств стремительно росло (в 1945 г. в ООН имелся 51 член, а в 1994 г. – уже 185 [Основные... 1995: 289–291; Webber 1997: 24; Inoguchi 1999: 175]). Но тут нет никакого противоречия. Именно так идут сложные процессы: к тому времени, когда те или иные формы достигают пика своего подъема, уже обозначается упадок этих форм. Например, сословные привилегии дворянства и наиболее зрелые формы организации этого сословия в Европе можно наблюдать как раз в период формирования раннего буржуазного строя, то есть тогда, когда активно развивается «могильщик» дворянства – буржуазия. В этом плане показательны, что во второй половине XX в. принципы суверенности особенно активно воспринимались не в развитых странах (в частности, в бывших метрополиях), а напротив, на периферии Западного мира, в освобождающихся колониях и молодых развивающихся государствах (см. об этом подробнее: Spruyt 2000; о разных исторических тенденциях, влияющих на суверенитет, см., например: Inoguchi 1999).

Во-первых, они охватили весь мир.

Во-вторых, экономические союзы прежде были редкостью, теперь стали наиболее типичной формой объединений. А некоторые экономические организации (вроде ВТО, МВФ) включают в себя большинство стран мира. Масштабы и цели политических союзов также изменились.

В-третьих, колоссально выросли плотность и постоянство контактов между лидерами стран. И вопросы, которые они решают, также значительно изменились.

В-четвертых, лишь немногие страны могут сегодня проводить изоляционистскую политику и не вступать ни в какие союзы (подобно политике «блестящей изоляции», которую проводила Великобритания в XIX в.).

Чтобы оттенить сказанное, мы могли бы указать, как ни странно это звучит, что сегодня наибольший суверенитет (то есть наименьшие ограничения в использовании суверенных прав) имеют государства идеологически (Китай, Иран, Саудовская Аравия и некоторые другие мусульманские страны) и экономически закрытые, вроде Северной Кореи, Кубы, именно по поводу их «суверенных прав» (в частности, создавать ядерное оружие) и возникают острые конфликты. В части азиатских и латиноамериканских государств, которые поднимаются экономически или укрепляются идеологически, нередко просыпается «национализм» в качестве государственной идеологии, разделяемой и населением, а вместе с этим и стремление к поддержанию своих суверенных прав, в том числе на ядерное оружие и т. п. Так, например, успешное ядерное испытание в Индии стало предметом национальной гордости индийцев, хотя и вызвало сильное беспокойство в США и западных странах (Шринивас 2004: 103). Это также удобный способ привлечь внимание международного сообщества к стране в течение длительного времени, что и делает, скажем, Иран.

Но в целом даже у указанных выше «закрытых» стран суверенитет начинает сокращаться. Что же касается достаточно открытых и развитых государств, то, по нашему мнению, тенденция к делегированию своих полномочий международным, региональным и мировым организациям и объединениям у них совершенно очевидна. Исключение составляют только США, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставя национальные интересы выше мировых и союзнических (см., например: Киссинджер 2002: 2; Бжезинский 2005). Но ослабление позиций США существенно затрудняет такие действия. С другой стороны, как нам кажется, именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем важная интрига изменения мира, а также трансформация содержания принципов международных отношений (Гринин 1999а: 28–29; 2005а: 9, 25–26; см. также: Тодд 2004).

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что сегодня по сравнению с прошлым суверенитет совершенно свободных и самостоятельных стран в целом ряде аспектов стал намного меньше. И, что очень важно, многие государства нередко отдают часть суверенных функций действительно добровольно, иногда даже «просят», чтобы их суверенные права уменьшили, приняв их в какое-либо наднациональное объединение; особенно это касается вновь образовавшихся стран (см.: Гринин 1999а; Вауман 2000; Бауман 2002). Мы считаем, что подобный «альтруизм» можно всерьез объяснить только тем, что такое ограничение становится выгодным, поскольку взамен страны надеются получить вполне реальные преимущества либо нейтрализовать собственные слабости (см., например: Вауман 2000; Бауман 2002б; Злоказова 2004: 68; Гринин 2007а). Естественно, что такой «обмен» стал в принципе возможным только в результате мощного влияния описанных (и многих не упомянутых, но подразумеваемых) процессов. В качестве важной причины сокращения суверенитета, на наш

взгляд, следует указать своего рода мировое общественное мнение: ведь чем шире круг стран, сознательно ограничивающих свой суверенитет, тем более неполноценными кажутся государства, которые не делают таких ограничений.

Как уже упоминалось выше, в политической науке во все большей (но, однако, недостаточной) мере осознается, что «доктрина национального суверенитета устарела» (Киссинджер 2002: 296), мало того, эти вопросы затрагивались даже в выступлениях и статьях генеральных секретарей ООН Бутроса Бутроса Гали и Кофи Аннана (см., например: Annan 1999; анализ высказанных ими идей см.: ICISS 2001). Однако нам кажется, что многие исследователи (особенно в России) все еще недооценивают серьезность последствий изменения суверенитета и необходимость переосмысления не только самого этого понятия в контексте современных процессов, но и множества других с ним связанных (о господстве государствоцентричных подходов и взглядов на политику как на автономный процесс в анализе концепций международной политики см., например: Denemark 1999)¹⁸. В то же время мы согласны, что государство в главном еще остается (и будет достаточно долго оставаться) высшей единицей исторической и политической жизни. Однако объем суверенных прав в современном мире сильно перераспределен, поэтому в интернациональном сообществе не существует более «единого и неделимого» государственного, народного или национального суверенитета.

Суверенитет все чаще делится между наднациональными, национальными, субнациональными, а иногда региональными и муниципальными единицами (Ян 1996: 49). В результате, как было показано выше, появились новые мощные факторы, которые в конечном счете ведут к тому, что государство постепенно уступает место основному суверену более крупным, в том числе наднациональным образованиям и структурам. И, по нашему мнению, эта тенденция будет нарастать. С другой стороны, мы хотели бы непременно добавить, что это не односторонний и одномерный, а многогранный, многомерный процесс: в чем-то суверенитет будет сокращаться (например, в вопросах экономической стратегии), но в чем-то закрепляться и даже расти. Так, например, Э. Ян считает, что языковые, культурные и социальные функции государства будут увеличиваться (Там же: 49). Поэтому опасно слишком торопиться хоронить национальное государство, оно еще долго будет ведущим игроком (как и вообще следует быть достаточно осторожным в прогнозах глобальных политических изменений [см. об этом, например: Bobrow 1999; Dogan 1999]). Современный кризис оказал на суверенитет двойственное влияние: он усилил позиции государства в плане регулирования экономики, но в то же время и ослабил его, поставив вопрос о передаче ряда его функций под международный контроль.

Хотя суверенитет и сужается, но – считаем важным это подчеркнуть – сам этот принцип (точнее, апелляция к нему в определенных случаях), вероятно, еще долго будет одним из важнейших в международных отношениях. Поэтому открытое неуважение к нему будет по-прежнему вызывать осуждение. Когда старые идеи еще живы, а новые не утвердились, столкновения могут принимать форму противоборства принципов, что скрывает их историческое содержание. Тогда трудно понять, кто прав, кто виноват. Например, если в отношении даже диктаторских режимов грубо и открыто попирает принцип суверенитета, опираясь на право сильного, симпатии могут оказаться на реакционной по сути стороне. Агрессия против режима Каддафи в Ливии в 2011 г. лишней раз доказала это (как и ранее ярко продемонстрировала война 2003 г.

¹⁸ В связи со сказанным стоит отметить, что даже в очень представительных и масштабных международных энциклопедических изданиях, посвященных глобалистике, проблемы трансформации суверенитета в эпоху глобализации, к сожалению, не нашли отражения (см.: Мазур, Чумаков 2003; 2006; Mazour, Chumakov, Gay 2003).

в Ираке). Поэтому, думается, в правовом и моральном плане желательны действительно безупречные аргументы, которые опирались бы на решения мировых организаций (в первую очередь ООН). Вот почему для поддержки действий против режимов-нарушителей так важны именно такого рода санкции (см., например: Арбатов 2004: 77), причем санкции обоснованные и не принятые второпях под давлением.

Итак, как было показано, с послевоенного времени все яснее обнаруживается тенденция к постепенной передаче странами части своего суверенитета мировым международным организациям. Еще бóльшая часть суверенитета переходит к региональным объединениям. А интеграция государств в надгосударственные экономические объединения становится все более важной частью глобализации. Такие наднациональные образования имеются уже на всех континентах, и в некоторых случаях наметилась трансформация экономических союзов в политические. Конечно, процесс создания действительно оформившихся, системно и глубоко интегрированных надгосударственных образований не может быть быстрым. Не будет он, по нашему мнению, и гладким уже потому, что входящие в него члены не могут игнорировать свои собственные интересы, не могут не противопоставлять их друг другу. Да и внутри самих стран разные политические силы очень по-разному трактуют национальные цели. Словом, притирка над- и внутригосударственных интересов – тяжелый процесс, тут неизбежны разнообразные столкновения. Кроме того, и общие цели можно трактовать по-разному. Пример США, которые умудряются связать в тугой узел чисто национальные узкополитические проблемы (вроде предстоящих выборов или необходимости поднять популярность президента) с мировыми интересами, в этом смысле очень показательны¹⁹.

Глобализация, как показывают разные (в том числе и наши) исследования (см., например: Ryan 1997; Bahcheli *et al.* 2004b; Гринин 1999a; 2005a), в отношении национализма производит двойственный эффект. С одной стороны, наблюдается тенденция к уменьшению национального суверенитета, с другой – бурный рост национализма, стремление даже самых небольших народов обрести свой собственный суверенитет (о таких непризнанных государствах см., например: Bahcheli *et al.* 2004a). То объяснение причин сепаратизма в современный период, к которому мы пришли, на первый взгляд, может показаться парадоксальным: **национализм усиливается потому, что в определенных измерениях государства как системы ослабевают** (подробнее см.: Гринин 1999a; 2005a). Однако парадоксальности здесь нет, особенно с учетом того, что безопасность большинства государств фактически обеспечивает мировое сообщество и наиболее сильные государства (см., например: Pugh 1997; см. также: Гринин 1999a; 2005a; 2007a). К тому же нации – это не «предвечные сущности», а этнополитические общности, складывающиеся чаще всего именно в рамках государств (Геллнер 1991; Armstrong 1982: 4; Балибар, Валлерстайн 2003; Гринин 2003) и под влиянием технологических изменений (о влиянии на формирование наций печатной технологии см., например: Маклюэн 2005: 408 и др.)²⁰. При определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других, напротив, ослабевают. Поэтому формирование надгосударственных систем в XX в. шло параллельно с разрушением не только колониальных империй, но и ряда старых и вновь возникших государств, особенно многонациональных и федеративных (о распаде Югославии и Чехословакии см., например: Bookman 1994; Флере 2003; см. также: Захаров 2002), среди которых были даже, казалось бы, весьма устойчивые (СССР, а ранее, в начале процесса,

¹⁹ Как известно, в США внешняя политика очень сильно зависит от соотношения и взаимоотношения исполнительной, законодательной и судебной властей.

²⁰ О развитии взглядов на природу наций и национализма см. также: Periwal 1995; Woolf 1996; Llobera 1994; Diamond, Plattner 1994; Özkırmılı 2000.

Австро-Венгрия). И такой распад, на наш взгляд, выполняет в чем-то прогрессивную роль, облегчая региональную и мировую интеграцию. Но это очень болезненный и разрушительный процесс, что подтверждает высказанные выше мысли о том, что прогресс и антипрогресс идут практически всегда рука об руку. Весь вопрос в их балансе.

Таким образом, мы считаем, что, с одной стороны, нас ждут еще десятилетия, когда национальные проблемы будут стоять весьма остро в разных регионах и странах, поскольку причины националистических и сепаратистских конфликтов очень разнообразны (см. обзор этих причин, например: Brown 1997; Weiner 1999; Diamond, Plattner 1994; Macartney 1934/1996; Özkırımlı 2000; Воронович, Романчук 2008; Гринин 2008a). Но, с другой стороны, усиливается убеждение, что право наций на самоопределение превратилось в «опиум для народов» (Альтерматт 2000: 104; о соотношении моноэтнических и полиэтнических государств и о причинах роста национализма в последних см. также: Загладин и др. 1995: 180–205). Расцветает, по меткому выражению М. Игнатьева, нарциссизм мелких различий между этносами (Ignatieff 1999), а укрепляющая этническая идеология создает (наряду с религиозным радикализмом) едва ли не главный ресурс для возрождения насилия сегодня (Wieviorka 2003: 109; Карпачева 2008). Вместе с этим, однако, хотя непоследовательно и с трудом, в мировом общественном мнении формируется негативное отношение к злоупотреблению этим правом²¹. В результате, по нашему мнению, постепенно агрессивный национализм, раскалывающий государства и создающий угрозу мировому порядку, должен пойти на убыль. Речь ни в коем случае не идет о том, что нации и национальные различия исчезнут. Нам представляется, что развитие пойдет в направлении, когда национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы самой высокой политики и жарких схваток (с широким использованием смертоносного насилия) в более спокойную плоскость, примерно так, как это случилось с взаимоотношениями между различными направлениями христианства в большинстве стран Европы.

Различные аспекты изменения национального суверенитета

Важно отметить, что хотя процессы изменения и сокращения суверенитета в той или иной степени относятся к подавляющему большинству стран, тем не менее основные тенденции добровольного ограничения суверенных прерогатив проявляются очень по-разному в Европе, США, России, СНГ, исламском мире, странах Дальнего Востока, Северной и Тропической Африки, Латинской Америке и других незападных регионах. Более того, для будущего различных незападных культур многое зависит от путей, которыми совершаются эти процессы.

Во-первых, стоит отметить, что добровольное уменьшение суверенитета гораздо сильнее проявляется в западных (или теснее экономически и культурно связанных с ними) странах. И, напротив, гораздо сложнее идет трансформация суверенитета в странах иных цивилизаций и культурных традиций, что также теснейше связано с уровнем экономического развития. Обычно это уровень не постиндустриальный, а индустриальный или аграрно-индустриальный, то есть наиболее плотно связанный с суверенностью и государственным регулированием или покровительством. Крупные региональные державы, такие как Китай, Индия²², Пакистан, в их числе и поэтому

²¹ Насколько, однако, с трудом, видно из анализа позиции многих стран в отношении провозглашения независимости Косово и конфликта между Россией и Грузией из-за Южной Осетии.

²² Китай и Индию следует рассматривать не только как региональные государства, но и как государства, стремящиеся стать супердержавами. Китай ведет очень активную торговлю в Африке, Южной Америке и других регионах.

менее склонны к тому, чтобы сокращать свой суверенитет по сравнению с европейскими странами. Для Китая и Индии классическое «вестфальское» государство гораздо предпочтительнее нынешнего (или, точнее, формирующегося) типа, неясного и размытого. Однако стоит обратить внимание, что Япония также совершенно не спешит с демонстрацией сокращения суверенитета.

Впечатляющие экономические успехи Китая заставляют некоторых исследователей делать выводы о том, что Китай будет играть одну из ведущих или даже главную роль в будущем глобальном мире (об этом см.: Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010). Китай кровно заинтересован в собственной экономической интеграции в мировую экономику, следовательно, он не может не поддержать глобализацию. Но китайское правительство пытается любыми способами контролировать иные, особенно культурные, глобальные воздействия. Яньсинь Ян очень точно называет это «управляемой глобализацией».

Индия, в последнее время демонстрирующая заметные экономические достижения (Srinivas 2002), является достаточно необычным для Азии государством, где более или менее прочно укоренились демократические институты. В то же время, с одной стороны, власть в Индии основана на принципах современного национального государства, а с другой – она представляет собой своеобразную модель многокультурного мира, где сосуществуют разные религии, этнические группы, классы и касты. Кроме того, Индия сама является «экспортером» целого ряда различных культурных моделей, которые стали достоянием всего мира, например, йога, медитация, тантризм и т. д. (подробнее см.: Srinivas 2002).

Во-вторых, в отношении конкретных причин сближения тех или иных обществ надо учитывать, что в состоянии определенной бифуркации, в которой сейчас находится мир, новые линии и векторы, способствующие объединению стран в наднациональные образования, союзы, группы, блоки и кластеры, зависят от самых разных причин, среди которых тот или иной признак близости может оказаться решающим. Помимо географической близости, экономических отношений и общих политических (геополитических) интересов, близость культуры и менталитета (то есть цивилизационное родство и близость) во многих ситуациях способна оказаться самой сильной. Эти политические, культурные и религиозные особенности могут приводить к созданию каких-то особых региональных или даже межрегиональных надгосударственных моделей сближения. «Существует ли особый латиноамериканский способ действия в глобализованном мире?» – спрашивает, например, чилийский политолог А. Ф. Талавера. И отвечает: «Имеются вполне определенные показатели, позволяющие утверждать, что – да, существуют». Далее он указывает на складывание варианта развития, который заключается в сосуществовании социально-экономического порядка, основанного на открытости и свободно-рыночных отношениях, то есть чисто западного феномена, и консервативного социально-религиозного строя, то есть, добавлю от себя, культурной формы, характерной для части старой Европы (Талавера 2004: 267 и др.)

Тем не менее несмотря на все различия, общее движение к трансформации ранее существовавшего типа суверенитета в той или иной степени заметно практически во всех странах и регионах, культурах и цивилизациях. В этой связи необходимо отметить третий момент, связанный с региональным уровнем трансформации суверенитета. Ряд развивающихся стран сами готовы объединяться в региональные сообщества, чтобы вместе отстаивать свои интересы и решать проблемы. Например, региональные организации в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Латинской Америке после Ирака приняли новую, более жесткую политику в отношении терроризма и использования оружия массового уничтожения. Однако решать эти проблемы они хотят собственными средствами, на собственной территории и с помощью независимых миротворческих структур, которые они сами

и развивают²³. Но в то же время они начали искать средства минимизировать риск насильственного американского вторжения, а также использования США тактики «разделяй и властвуй» против членов региона (Бейлс 2004: 75; о проблемах глобальной безопасности стран третьего мира см. также: Vuzan 1991).

Четвертый момент касается трансформации суверенитета в аспекте общих задач, стоящих как перед развитыми, так и перед развивающимися странами. В первую очередь речь идет о глобальных проблемах (о других причинах см.: Гринин 1999а: 32–34). Они затрагивают все мировое сообщество, поэтому интерес Запада к их решению в отсталых странах неизбежно будет расти. А последним, думается, в свою очередь так или иначе придется ограничивать суверенитет и одновременно усиливать роль государства в обеспечении законности и порядка, чтобы подстроиться под общие правила. Например, рискнем предположить, что так как демографические и экологические процессы тесно взаимосвязаны, то, вероятно, регулирование численности населения также становится не только национальным, но и общим делом. Чтобы решить многие глобальные проблемы, необходимо осознать, что развитие не может идти все время вширь, что требуется сознательное ограничение в потреблении, а также нужны механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения (см.: Гринин 1999а; 2005а). По образному выражению Д. Белла, мы выросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет *предел* (limit): пределы роста, расхищения окружающей среды, предел вмешательства в живую природу, предел вооружения и т. д. (Bell 1979: XXIX). А Международная комиссия по окружающей среде и развитию разработала концепцию устойчивого развития, которая была представлена на конференции ООН в 1992 г. и включает два понятия: необходимые потребности и ограничения. Кажется вполне вероятным, что в будущем начнется квотирование темпов роста экономики, поскольку без этого невозможны никакие другие ограничения (подробнее см.: Гринин 1999а; 2005а). Питер Бергер (Berger 1986; 2002) в своей концепции разнообразия культурных глобализаций в мире указывал, что конечный результат, получающийся от глобального влияния внешней культуры на местную, сильно зависит от характера последней и от того, какой ответ способна дать местная культура на вызов, приходящий от внешней (глобальной) культуры (см.: Berger 1997; Бергер 2004). Он выделяет четыре главных типа вариаций взаимоотношений этих культур: 1) замещение местной культуры глобальной культурой; 2) сосуществование местной и глобальной культур без заметного их слияния; 3) определенный синтез глобальной и частично местной культур; 4) отрицание глобальной культуры в результате сильной реакции со стороны местной культуры. Однако, вероятно, таких типов вариаций больше. Я думаю, что и в отношении суверенных прерогатив при столкновении государств с внешними глобальными влияниями (вызовами) также может быть целый ряд типов и моделей, связанных с характером внешних влияний и особенностями экономического и политического состояния государств (общества, элиты). Но при этом надо учитывать, что характер ответа на трансформацию суверенных прав по сравнению с влиянием на культуры в целом гораздо более контролируем со стороны государства (общества), внутренних политических сил и элит. Кроме того, поскольку баланс политических сил внутри государства, а также само положение конкретного государства в мировом рейтинге может существенно меняться (в зависимости, например, от того, какие именно силы стоят у руля власти, какое настроение преобладает в обществе, каковы экономические успехи или не-

²³ Недавний пример: угроза стран – членов Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКО-ВАС) начать интервенцию в Кот-д-Ивуар в случае, если президент Лоран Гбагбо не признает результатов выборов, проведенных в стране в декабре 2010 г. Еще более свежий пример – вторжение войск Саудовской Аравии в Бахрейн, так как оба эти государства являются членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

удачи общества), одно и то же государство может делать резкие повороты в плане уступчивости или неподатливости в отношении уменьшения суверенных прав.

Учитывая эти и другие причины, я выделил следующие типы и модели трансформации суверенных прав²⁴.

Западные и российские:

- **Европейское наднациональное объединение** (с рядом подтипов).
- **Сверхдержава (США)**. Будучи наиболее мощным центром силы и богатства в мире, США позволяют себе весьма часто идти вопреки мнению многих государств, открыто ставят национальные интересы выше мировых и союзнических (см., например: Киссинджер 2002: 2; Бжезинский 2005). Но, как мне кажется, именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем основная интрига изменения мира, а также трансформация содержания принципов международных отношений. С другой стороны, США уже не могут позволить себе замкнуться на национальных проблемах (вернуться к традиционной для них ранее политике «изоляциизма»), а вынуждены брать на себя «бремя» реагирования на всевозможные изменения в мире. И в этом плане их суверенные права подвергаются существенной трансформации.

- **Бывшая сверхдержава (Россия)**, сохраняющая стремление играть роль второй (третьей) сверхдержавы при недостаточных ресурсах и в то же время быстро отдающая многие суверенные прерогативы.

- **Тип новых стран** характерен для молодых или в чем-то ущемленных государств, которым нужна международная поддержка (признание). Примерами могут служить некоторые страны бывшего СССР (Прибалтика) или бывшей Югославии, в какой-то мере бывшие социалистические страны Европы. Для такого типа стран характерна полная готовность перейти под покровительство более сильного наднационального образования, тем более такого, как Европейский союз, добровольное и охотное принятие его жестких правил.

Некоторые незападные типы:

- **Тип регионального лидера** характерен для достаточно крупных стран, стремящихся играть роль региональных или групповых лидеров. И эта цель во многом определяет степень уступчивости или неуступчивости в различных вопросах, связанных с суверенными правами. Яркими примерами могут служить такие государства, как Индия, Пакистан, Иран.

- **Тип управляемого вхождения в глобализацию** (по Яньсянь Яню [2004]) характерен для Китая. Такой тип определяется противоречивыми задачами, которые решает Китай. С одной стороны, есть острая необходимость движения к экономической глобализации, чтобы поддерживать высокие темпы развития, а с другой – авторитарный идеологизированный режим должен всячески минимизировать влияние извне и потому контролировать влияние (особенно идеологическое) глобализации на население.

- **Цивилизационно-региональный тип** связан со стремлением к сближению на основе географической, культурной или идеологической близости (региональности). При этом наблюдается готовность жертвовать суверенными правами, но только в рамках определенных регионов, союзов, а не под давлением США или Запада. Характерен для Латинской Америки, ряда африканских и азиатских государств.

²⁴ Но эта типология не покрывает всего разнообразия форм трансформации суверенитета.

• **Закрытый тип характерен** для таких стран, как Куба, Северная Корея, некоторые исламские страны. Стремление к закрытости, а следовательно, к сохранению полного набора суверенных прерогатив для них вполне естественно, так как без этого невозможно сохранять господствующую форму правления и идеологию. Такие режимы уступают только под сильнейшим нажимом обстоятельств или крупных держав.

Библиография

- Аверьянов Ю. И. (Ред.) 1993.** *Политология. Энциклопедический словарь*. М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та.
- Адамович А., Шахназаров Г. 1988.** Новое мышление и инерция прогресса. *Дружба народов* 6: 184–198.
- Альтерматт У. 2000.** *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ.
- Анилионис Г. П., Зотова Н. А. 2005.** *Глобальный мир: единый и разделенный*. М.: Международные отношения.
- Арбатов А. Г. 2004.** Иракский кризис в мировой политике. *Мировая экономика и международные отношения* 9: 77–83.
- Бажанов Е. П. 2004.** Неизбежность многополюсного мира. *Мировая экономика и международные отношения* 2: 11–16.
- Балибар Э., Валлерстайн И. 2003.** *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос-Альтера.
- Бауман З. 2002.** *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Бейлс А. Дж. К. 2004.** Уроки Иракского кризиса. *Мировая экономика и международные отношения* 9: 70–76.
- Бек У. 2001.** *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. М.: Прогресс-Традиция.
- Бек У. 2007.** *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика*. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего.
- Бергер П. Л. 2004.** Культурная динамика глобализации. *Многоликая глобализация* / Ред. П. Л. Бергер, С. П. Хантингтон, с. 8–24. М.: Аспект Пресс.
- Бжезинский З. 1999.** *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения.
- Бжезинский З. 2005.** *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения.
- Болескина Е. Л. 2000.** Потребители игровой компьютерной культуры. *Социологические исследования* 9: 80–87.
- Бязрова Дж. Б. 2004.** Глобализация и проблема национальных ценностей. *Философия и общество* 4: 62–69.
- Ван дер Вее Г. 1994.** *История мировой экономики 1945–1990*. М.: Наука.
- Волконский В. А. 1998.** Изменения в мире за столетие и парадигмы экономической науки. *Экономическая теория на пороге XXI века* / Ред. Ю. М. Осипов, В. Т. Пуляев, В. Т. Рязанов, Е. С. Зотова, с. 214–226. М.: Юристъ.
- Воронович А. А., Романчук А. А. 2008.** Антропология сессии и математические методы: конфликты и «узлы» Балкан. *История и Математика: Процессы и модели* / Ред. Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 74–101. М.: КомКнига/URSS.
- Галкин А. А. 2005.** Глобализация и политические потрясения XXI века. *Полис* 4: 53–70.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Гиденс Э. 2004.** *Ускользящий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир.
- Гребенщиков Э. С. 2004.** Тихоокеанская Россия и Япония: регионализация отношений. *Мировая экономика и международные отношения* 1: 89–97.
- Гринин Л. Е. 1997.** Формации и цивилизации. Глава 2. *Философия и общество* 2: 5–89.

- Гринин Л. Е. 1999а. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *Философия и общество* 4: 5–44.
- Гринин Л. Е. 1999б. Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса). *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки* 1: 17–27.
- Гринин Л. Е. 2003. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2004. Глобализация и проблемы национального суверенитета. *Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 18 ноября 2004*, с. 39–47. Бишкек: Дэна.
- Гринин Л. Е. 2005а. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2005б. Глобализация: экономика и национальный суверенитет. *Природа и общество в глобализирующемся мире* / Ред. Э. С. Кульпин, с. 15–17. М.: Изд-во ИАЦ «Энергия».
- Гринин Л. Е. 2006а. Методологические основания периодизации истории. *Философские науки* 8: 117–123; 9: 127–130.
- Гринин Л. Е. 2006б. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. *История и современность* 1: 3–45.
- Гринин Л. Е. 2006в. От раннего к зрелому государству. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 523–556. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006г. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 3-е. М.: КомКнига / URSS.
- Гринин Л. Е. 2006д. *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007а. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007в. Проблемы анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. *Философия истории: проблемы и перспективы* / Ред. Ю. И. Семенов, И. А. Гобозов, Л. Е. Гринин, с. 148–247. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007г. Что происходит с суверенитетом в век глобализации. *Вестник Российской государственной академии дружбы народов. Серия «Международные отношения»* 1(8): 22–27.
- Гринин Л. Е. 2008а. Национализм и проблема национального суверенитета (по поводу статьи А. А. Вороновича и А. А. Романчука «Антропология сецессии и математические методы: конфликты и “узлы” Юго-Восточной Европы»). *История и Математика: Процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 102–106. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2008б. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе. *Век глобализации* 2: 46–53.
- Гринин Л. Е. 2008в. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания). *Полис* 1: 123–133.
- Гринин Л. Е. 2009. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2011а. Истоки глобализации: Мир-системный анализ. *Век глобализации* 1: 80–94.
- Гринин Л. Е. 2011б. Сценарии китайского будущего: не возобладают ли факторы торможения? *Общество и экономика* 8–9: 256–276.
- Гринин Л. Е. 2011в. Ждут ли мир глобальные перемены? *Вестник РАН* 81(4): 325–330.
- Гринин Л. Е. 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек / Отв. ред. С. Ю. Малков. М.: ЛКИ.
- Дени Е., Сайо Е. 1938. Германия. История XIX века / Ред. Е. В. Тарле, т. 4, с. 63–112. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Джери Д., Джери Дж. (Ред.) 1999. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Вече.
- Динелло Н. 2003. Глобализация и справедливость. Международная конференция в Каире. *Полис* 3: 180–184.
- Дынкин А. А. (Ред.) 2007. *Мировая экономика: прогноз до 2020 г.* М.: Магистр.
- Жарова А. К. 2004. Интернет, глобализация и международное право. *Общественные науки и современность* 6: 97–104.
- Жуков С. В., Эльянов А. Я. 2007. Развивающиеся страны: асимметрии глобализации. *Восток* 1: 101–120.
- Загладин Н. В., Дахин В. Н., Загладина Х. Т., Мунтян М. А. 1995. *Мировое политическое развитие: век XX. 2-е изд.* М.: Аспект Пресс.
- Захаров А. А. 2002. Федерализм и глобализация. *Полис* 6: 116–126.
- Злоказова Н. Е. 2004. Расширение ЕС: за и против с позиций его членов. *Мировая экономика и международные отношения* 1: 62–69.
- Зуев А. Г., Мясникова Л. А. 2004. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 54–60.
- Иванов Н. П. 2000. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 12–18.
- Иванов Н. П. 2004. Человеческий капитал и глобализация. *Мировая экономика и международные отношения* 9: 19–31.
- Ильин М. В. 1993а. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии. *Полис* 2: 57–68.
- Ильин М. В. 1993б. Собрание и разделение суверенитета. *Полис* 5: 144–147.
- Ильин М. В. 2001. Стабилизация развития. *Мегатренды мирового развития* / Ред. М. В. Ильин, В. Л. Иноземцев, с. 183–191. М.: Экономика.
- Ильин М. В., Иноземцев В. Л. (Ред.) 2001. *Мегатренды мирового развития.* М.: Экономика.
- Ильин М. В., Кудряшова И. В. (Ред.) 2008. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик.* М.: МГИМО-Университет.
- Каллиникос А. 2005. *Антикапиталистический манифест.* М.: Праксис.
- Каплински Р. 2003. Распространение положительного влияния глобализации: анализ «цепочек» приращения стоимости. *Вопросы экономики* 10: 4–26.
- Капра Ф. 2004. *Скрытые связи.* М.: София.
- Карпачева О. А. 2008. Место религиозного терроризма в мире: факты и вымыслы. *Мониторинг глобальных и региональных рисков 2008* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 265–286. М.: ЛКИ/URSS.
- Кастеллс М. 1999. Могущество самобытности. *Новая постиндустриальная волна на Западе* / Ред. В. Л. Иноземцев, с. 292–308. М.: Academia.
- Кастеллс М. 2002. *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура.* М.: ГУ ВШЭ.
- Киссинджер Г. 2002. *Нужна ли Америке внешняя политика?* М.: Ладомир.
- Коротаев А. В. 1991. *Объективные социологические законы и субъективный фактор.* М.: Институт экономики АН СССР.
- Коротаев А. В. 1992. Объективные социологические законы и субъективный фактор. *Альтернативность истории* / Ред. Р. В. Манекин, с. 76–108. Донецк: Донецкое отделение САМИ.

- Коротаяев А. В. 1999.** Объективные социологические законы и субъективный фактор. *Время мира*. Вып. 1. *Историческая макросоциология в XX веке* / Ред. Н. С. Розов, с. 204–233. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН.
- Коротаяев А. В. 2003а.** Джордж Питер Мёрдок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований. *Социальная структура* / Дж. П. Мердок, с. 478–555, 588–606. М.: ОГИ.
- Коротаяев А. В. 2003б.** *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаяев А. В., Халтурина Д. А. 2008.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛКИ/URSS.
- Кувалдин В., Рябов А. 2000.** Национальное государство в эпоху глобализации. *Свободная мысль* 1: 37–47.
- Кузмин Э. Л. 2006.** О государственном суверенитете в современном мире. *Журнал российского права* 3: 84–94.
- Кустарев А. 2004.** Кризис государственного суверенитета. *Космополис* 3. URL: <http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/3/kustarev.html>
- Левин И. Б. 2003.** Глобализация и демократия. *Полис* 2: 53–70.
- Лукьянов Ф. 2005.** Евросоюз на фоне расширения. *Российская газета* 19 (3688).
- Лунеев В. В. 2005.** Права человека и преступность в глобализирующемся мире. *Общественные науки и современность* 3: 107–118.
- Лю И. 2005.** Глобализация и китайские реформы. *Философия и общество* 3: 137–145.
- Мазур И. И., Чумаков А. Н. (Ред.) 2003.** *Глобалистика*. Энциклопедия. М.: Диалог.
- Мазур И. И., Чумаков А. Н. (Ред.) 2006.** *Глобалистика*. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.: Елима.
- Маклюэн М. 2005.** *Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего*. М.: Академический Проект.
- Мале А. 1938.** Священный союз и Конгрессы. *История XIX века* / Ред. Е. В. Тарле, т. 3, с. 67–87. М.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Мартин Г. П., Шуман Х. 2001.** *Западная глобализация. Атака на процветание и демократию*. М.: Альпина.
- Медведев В. А. 2004.** Глобализация экономики: тенденции и противоречия. *Мировая экономика и международные отношения* 2: 3–10.
- Мирский Г. И. 2004а.** Американская сверхдержава против исламистского терроризма. *Мировая экономика и международные отношения* 10: 71–80.
- Мирский Г. И. 2004б.** Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. *Мировая экономика и международные отношения* 6: 29–37.
- Мнацаканян М. О. 2004.** Глобализация и национальное государство: три мифа. *Социс* 5: 137–142.
- Мовсесян А., Огневцев С. 1999.** Транснациональный капитал и национальные государства. *Мировая экономика и международные отношения* 6: 55–63.
- Неклесса А. 2002.** Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений. *Мировая экономика и международные отношения* 9: 103–112.
- Основные сведения об Организации Объединенных Наций.** 1995. М.: Организация Объединенных Наций. Департамент общественной информации.
- Панарин А. С. 2000.** *Глобальное политическое прогнозирование*. М.: Алгоритм.
- Пастухова Н. Б. 2007.** Суверенитет: историческое прошлое и настоящее. *Вопросы истории* 8: 92–99.
- Поршнев Б. Ф. 1957.** Швеция и Вестфальский мир. *Скандинавский сборник* / Ред. В. В. Похлебкин, Л. К. Роотс, ч. 2, с. 93–136. Гарту: ТГУ.
- Саидов А. 2004.** *Межпарламентские организации мира*. М.: Международные отношения.
- Салмин А. М. 1993.** Дезинтеграция биполярного мира и перспективы нового мирового порядка. *Полис* 4: 6–14.

- Сорос Дж. 2001.** *Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм.* М.
- Стиглиц Дж. 2003.** *Глобализация: тревожные тенденции.* М.: Мысль.
- Столярова Т. Ф. 2002.** Ценностный фактор антиглобализма. *Природа и самоорганизация обществ* / Ред. Э. С. Кульпин, с. 72–78. М.: Московский лицей.
- Талавера А. Ф. 2004.** Тенденции к глобализации в Чили. *Многоликая глобализация* / Ред. П. Л. Бергер, С. П. Хантингтон, с. 267–313. М.: Аспект Пресс.
- Терентьев А. А. 2004.** Мироустройство начала XXI века: существует ли альтернатива «американской империи»? *Мировая экономика и международные отношения* 10: 35–46.
- Тодд Э. 2004.** *После империи. Рах Америкапа – начало конца.* М.: Международные отношения.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация.* Т. 1. М.; СПб.: АСТ.
- Уткин А. И. 2000.** Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития. *Полис* 1: 38–54.
- Филиппова Т. В. 2000.** Социология в Интернете. *Социологические исследования* 5: 131–137.
- Флере С. 2003.** Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога. *Социс* 5: 52–61.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004.** *Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура.* М.: Праксис.
- Хомский Н. 2002.** *Прибыль на людях.* М.: Праксис.
- Цирель С. В. 2007.** Предсказание и прогноз. Комментарий к статье Н. С. Розова. *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 42–47. М.: ЛКИ/URSS.
- Цымбурский В. Л. 1993.** Идея суверенитета в посттоталитарном контексте. *Полис* 1: 17–30.
- Шишков Ю. В. 2004.** Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики. *Мировая экономика и международные отношения* 10: 15–25.
- Шринивас Т. 2004.** «Свидание с судьбой». Индийский вариант культурной глобализации. *Многоликая глобализация* / Ред. П. Л. Бергер, С. П. Хантингтон, с. 98–128. М.: Аспект-Пресс.
- Ян Э. 1996.** Демократия и национализм: единство или противоречие? *Полис* 1: 33–49.
- Яньсянь Янь. 2004.** Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая. *Многоликая глобализация* / Ред. П. Л. Бергер, С. П. Хантингтон, с. 27–56. М.: Аспект-Пресс.
- Acevedo D. E., Grossman C. 1996.** The Organization of American States and the Protection of Democracy. *Beyond Sovereignty: Collectively Defending Democracy in Americas* / Ed. by T. Farer, pp. 107–131. Baltimore, MD: The John Hopkins University Press.
- Annan K. A. 1999.** Two Concepts of Sovereignty. *The Economist* 352: 49–50.
- Armstrong J. A. 1982.** *Nations before Nationalism.* Chapel Hill: The University of Carolina Press.
- Bahcheli T., Bartmann B., Srebrnik H. (Eds.) 2004a.** *De Facto States. The Quest for Sovereignty.* London; New York: Routledge.
- Bahcheli T., Bartmann B., Srebrnik H. 2004b.** Introduction. *De Facto States. The Quest for Sovereignty* / Ed. by T. Bahcheli, B. Bartmann, H. Srebrnik, pp. 1–11. London; New York: Routledge.
- Barkin S. J., Cronin B. 1994.** The State and the Nation: Changing Norms and the Rules of Sovereignty in International Relations. *International Organization* 48(1): 107–130.
- Bauman Z. 2000.** *Globalization.* New York, NY: Columbia University Press.
- Beiner R. (Ed.) 1999.** *Theorizing Nationalism.* Albany, NY: State University of New York Press.
- Bell D. 1979.** *The Cultural Contradictions of Capitalism.* New York, NY: Basic Books.
- Berger P. L. 1986.** *The Capitalist Revolution.* New York, NY: Basic Books.
- Berger P. L. 1997.** Four Faces of Global Culture. *National Interest* 49: 23–29.
- Berger P. L. 2002.** Introduction: The Cultural Dynamics of Globalization. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 1–16. New York, NY: Oxford University.

- Blaney D. L., Inayatullah N. 2000.** The Westphalian Deferral. *International Studies Review* 2(2): 29–64.
- Bobrow D. B. 1999.** Prospecting the Future. *International Studies Review* 1(2): 1–10.
- Bookman M. Z. 1994.** War and Peace: The Divergent Breakups of Yugoslavia and Czechoslovakia. *Journal of Peace Research* 31(2): 175–187.
- Brown M. 1997.** The Causes of Internal Conflict: An Overview. *Nationalism and Ethnic Conflict* / Ed. by M. Brown, O. Coté, S. Lyn-Jones, S. Miller, pp. 3–25. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Bull H. 2003.** Beyond the States System? *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate* / Ed. by D. Held, A. McGrew, pp. 577–582. 2nd ed. Cambridge, UK: Polity Press.
- Burch K. 2000.** Changing the Rules: Reconceiving Change in the Westphalian System. *International Studies Review* 2(2): 181–210.
- Buzan B. 1991.** New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century. *International Affairs* 67(3): 431–451.
- Camilleri J. A. 1990.** Rethinking Sovereignty in a Shrinking, Fragmented World. *Contending Sovereignties: Redefining Political Community* / Ed. by R. B. J. Walker, S. H. Mendlovitz, pp. 13–44. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Caporaso J. A. 2000.** Changes in the Westphalian Order: Territory, Public Authority, and Sovereignty. *International Studies Review* 2(2): 1–28.
- Chopra J., Weiss T. G. 1992.** Sovereignty Is No Longer Sacrosanct: Codifying Humanitarian Intervention. *Ethics and International Affairs* 6: 95–117.
- Clark I. 1999.** *Globalization and International Relations Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Collins R. 2002.** Geopolitics in an Era of Internationalism. *Social Evolution & History* 1(1): 118–139.
- Courchene T. J., Savoie D. J. 2003a.** Introduction. *The Art of the State: Governance in a World without Frontiers* / Ed. by T. J. Courchene, D. J. Savoie, pp. 1–27. Montreal: Institute for Research on Public Policy.
- Courchene, T. J., Savoie D. J. (Eds.) 2003b.** *The Art of the State: Governance in a World without Frontiers*. Montreal: Institute for Research on Public Policy.
- Daniels R., Alarie B. 2003.** State Regulatory Competition and the Threat to Corporate Governance. *The Art of the State: Governance in a World without Frontiers* / Ed. by T. J. Courchene, D. J. Savoie, pp. 165–184. Montreal: Institute for Research on Public Policy.
- Denemark R. A. 1999.** World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations. *International Studies Review* 1(2): 43–75.
- Diamond L. 1996.** Democracy in Latin America: Degrees, Illusions, and Directions for Consolidation. *Beyond Sovereignty: Collectively Defending Democracy in Americas* / Ed. by T. Farer, pp. 52–104. Baltimore, MD: The John Hopkins University Press.
- Diamond L., Plattner M. F. (Eds.) 1994.** *Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy*. London: Routledge.
- Doran C. F. 1999.** Why Forecasts Fail: The Limits and Potential of Forecasting in International Relations and Economics. *International Studies Review* 1(2): 11–41.
- Eley J. W. 1972.** Toward a Theory of Intervention: The Limitations and Advantages of a Transnational Perspective. *International Studies Quarterly* 16(2): 245–256.
- Farer T. (Ed.) 1996.** *Beyond Sovereignty: Collectively Defending Democracy in Americas*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Gans C. 2001.** Historical Rights: The Evaluation of Nationalist Claims to Sovereignty. *Political Theory* 29(1): 58–79.
- Garner J. W. 1925.** Limitations of National Sovereignty in International Relations. *The American Political Science Review* 19(1): 1–24.
- Gelber H. G. 1997.** *Sovereignty through Interdependence*. London: Kluwer Law International.
- Giddens A. 1985.** *The Nation-State and Violence*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Giddens A. 1990.** *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Giddens A. 1991.** *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age.* Cambridge, UK: Polity Press.
- Giddens A., Pierson C. 1998.** *Conversations with Anthony Giddens. Making Sense of Modernity.* Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gilpin R. 2001.** *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Grinin L. E. 2007.** Globalization and the Transformation of National Sovereignty. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, K. Fielden, pp. 101–114. Auckland: ISCE Publishing.
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization 2*: 31–52.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization.* Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2006.** Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotaev, V. de Munck, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? Part 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Gross L. 1948.** The Peace of Westphalia, 1648–1948. *The American Journal of International Law* 42(1): 20–41.
- Habermas J. 2003.** *Dispute on the Past and Future of International Law. Transition from a National to Postnational Constellation.* Paper presented at the 21st World Congress of Philosophy “Philosophy Facing World Problems”. August 10–17, 2003. Istanbul Convention and Exhibition Center, Turkey.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and “Fragile States”: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Hansen W. L., Park K. O. 1995.** Nation-State and Pluralistic Decision Making in Trade Policy: The Case of the International Trade Administration. *International Studies Quarterly* 39(2): 181–211.
- Harris R. G. 2003.** Old Growth and New Economy Cycles: Rethinking Canadian Economic Paradigms. *The Art of the State: Governance in a World without Frontiers* / Ed. by T. J. Courchene, D. J. Savoie, pp. 31–68. Montreal: Institute for Research on Public Policy.
- Held D. 2003.** The Changing Structure of International Law: Sovereignty Transformed? *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate* / Ed. by D. Held, A. McGrew, pp. 162–176. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
- Held D., McGrew A. 2003a.** Political Power and Civil Society: A Reconfiguration? *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate* / Ed. by D. Held, A. McGrew, pp. 121–125. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
- Held D., McGrew A. (Eds.) 2003b.** *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate.* 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999.** *Global Transformations. Politics, Economics and Culture.* Stanford, CA: Stanford University Press.
- Helman G. B., Ratner S. R. 1992–1993.** Saving Failed States. *Foreign Policy* 89: 3–20.
- Hinsley F. H. 1989.** *Sovereignty.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- ICISS (International Commission on Intervention and State Sovereignty) 2001.** *The Responsibility to Protect: Research, Bibliography, Background.* Ottawa: International Development Research Centre.
- Ignatieff M. 1999.** Nationalism and the Narcissism of Minor Differences. *Theorizing Nationalism* / Ed. by R. Beiner, pp. 91–102. Albany, NY: State University of New York Press.
- Inoguchi T. 1999.** Peering into the Future by Looking Back: The Westphalian, Philadelphian, and Anti-Utopian Paradigms. *International Studies Review* 1(2): 173–191.

- Jackson R. H. 1990.** *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnson P. M., Mayrand K. 2003.** Citizens, States and International Governance Challenges in a Globalized World. *The Art of the State: Governance in a World without Frontiers* / Ed. by T. J. Courchene, D. J. Savoie, pp. 369–398. Montreal: Institute for Research on Public Policy.
- Keane J. 2003.** *Global Civil Society?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Keohane R. O. 1995.** Hobbes's Dilemma and Institutional Change in World Politics: Sovereignty in International Society. *Whose World Order?: Uneven Globalization and the End of the Cold War* / Ed. by H.-H. Holmes, G. Sorensen, pp. 165–186. Boulder, CO: Westview Press.
- Krasner S. D. 1995–1996.** Compromising Westphalia. *International Security* 20(3): 115–151.
- Krasner S. D. 2001.** Sovereignty Redux. Reviewed Work(s): Re-examining Sovereignty: From Classical Theory to the Global Age by Hideaki Shinoda. *International Studies Review* 3(1): 134–138.
- Kratochwil F. 1986.** Of Systems, Boundaries, and Territoriality: An Inquiry into the Formation of the State System. *World Politics* 39(1): 27–52.
- Laxer G., Halperin S. (Eds.) 2003.** *Global Civil Society and Its Limits*. Houndsmills: Palgrave Macmillan.
- Leftwich A. 2005.** *States of Development. On the Primacy of Politics in Development*. Cambridge: Polity Press.
- Litfin K. T. 2000.** Environment, Wealth, and Authority: Global Climate Change and Emerging Modes of Legitimation. *International Studies Review* 2(2): 119–148.
- Llobera J. R. (Ed.) 1994.** *The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe*. Oxford: Berg Publishers.
- Macartney C. A. 1996 [1934].** National States and National Minorities. *Nationalism in Europe, 1815 to the Present* / Ed. by S. Woolf, pp. 85–123. London: Routledge.
- MacFarlane S. N. 1983–1984.** Intervention and Security in Africa. *International Affairs* 60(1): 53–73.
- Maddison A. 2001.** *Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- Mann M. 1997.** Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State? *Review of International Political Economy* 4(3): 472–496.
- Maritain J. 1950.** The Concept of Sovereignty. *The American Political Science Review* 44(2): 343–357.
- Mattli W. 2000.** Sovereignty Bargains in Regional Integration. *International Studies Review* 2(2): 149–180.
- Mayall J. 1991.** Non-Intervention, Self-Determination and the “New World. Order”. *International Affairs* 67(3): 421–429.
- Mazour I. I., Chumakov A. N., Gay W. C. 2003.** *Global Studies*. Encyclopedia. Moscow: Raduga.
- Mesquita B. B. de. 2000.** Popes, Kings, and Endogenous Institutions: The Concordat of Worms and the Origins of Sovereignty. *International Studies Review* 2(2): 93–118.
- Mitchell T. 1991.** The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics. *The American Political Science Review* 85(1): 77–96.
- Özkırmlı U. 2000.** *Theories of Nationalism: A Critical Introduction*. New York: St. Martin's Press.
- Periwal S. (Ed.) 1995.** *Notions of Nationalism*. Budapest: Central European University Press.
- Pugh M. 1997.** Peacekeeping and Humanitarian Intervention. *Issues in World Politics* / Ed. by B. White, pp. 134–156. Basingstoke: Macmillan
- Regan P. M. 1996.** Conditions of Successful Third-Party Intervention in Intrastate Conflicts. *The Journal of Conflict Resolution* 40(2): 336–359.
- Roberts A. 1991.** A New Age in International Relations? *International Affairs* 67(3): 509–525.
- Rosas A. 1994.** Towards Some International Law and Order. *Journal of Peace Research* 31(2): 129–135.
- Ruggie J. G. 1993.** Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization* 47(1): 139–174.
- Russel A. 1997.** Trade, Money and Markets. *Issues in World Politics* / Ed. by B. White, R. Little, M. Smith, pp. 45–68. Basingstoke: Macmillan.

- Ryan S. 1997.** Nationalism and Ethnic Conflict. *Issues in World Politics* / Ed. by B. White, R. Little, M. Smith, pp. 157–178. Basingstoke: Macmillan.
- Schaebler B., Stenberg L. (Eds.) 2004.** *Globalization and the Muslim World: Culture, Religion, and Modernity*. New York: Syracuse University Press.
- Shinoda H. 2000.** *Re-Examining Sovereignty: From Classical Theory to the Global Age*. New York: St. Martin's Press.
- Slaughter A. M. 2000.** Governing the Global Economy through Government Networks. *The Role of Law in International Politics* / Ed. by M. Byers, pp. 177–205. Oxford: Oxford University Press.
- Spruyt H. 2000.** The End of Empire and the Extension of the Westphalian System: The Normative Basis of the Modern State Order. *International Studies Review* 2(2): 65–92.
- Srinivas T. 2002.** 'A Tryst with Destiny'. The Indian Case of Cultural Globalization. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 89–117. New York: Oxford University.
- Stankiewicz W. J. 1969.** The Validity of Sovereignty. *In Defense of Sovereignty* / Ed. by W. J. Stankiewicz, pp. 291–298. London; Toronto: Oxford University Press.
- Strange S. 2003.** The Declining Authority of States. *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate* / Ed. by D. Held, A. McGrew, pp. 127–134. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
- Tekin A. 2005.** On the Futures of Sovereignty. *Futures* 37: 563–566.
- Tesón F. R. 1996.** Changing Perceptions of Domestic Jurisdiction and Intervention. *Beyond Sovereignty: Collectively Defending Democracy in Americas* / Ed. by T. Farer, pp. 29–51. Baltimore, MD: The John Hopkins University Press.
- Thomson J. E. 1995.** State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research. *International Studies Quarterly* 39(2): 213–233.
- Tillema H. K., van Wingen J. R. 1982.** Law and Power in Military Intervention: Major States after World War II. *International Studies Quarterly* 26(2): 220–250.
- Vincent R. J. 1974.** *Nonintervention and International Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Vincent R. J. 1986.** *Human Rights in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walker R. B. J., Mendlovitz S. H. (Eds.) 1990a.** *Contending Sovereignties: Redefining Political Community*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Walker R. B. J., Mendlovitz S. H. 1990b.** Interrogating State Sovereignty. *Contending Sovereignties: Redefining Political Community* / Ed. by R. B. J. Walker, S. H. Mendlovitz, pp. 1–12. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Webber M. 1997.** State and Statehood. *Issues in World Politics* / Ed. by B. White, R. Little, M. Smith, pp. 24–44. Basingstoke: Macmillan.
- Weiss L. (Ed.) 2003.** *States in the Global Economy*. New York, NY; Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Wieviorka M. 2003.** The New Paradigm of Violence. *Globalization, the State, and Violence* / Ed. by J. Friedman, pp. 107–149. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
- Woolf S. (Ed.) 1996.** *Nationalism in Europe, 1815 to the Present: A Reader*. London: Routledge.
- World Bank 2010.** *World Development Indicators Online*. Washington, D.C.: World Bank. URL: <http://web.worldbank.org>